

УДК 811. 161

UDC 811. 161

З.И. МИНЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Петрозаводский государственный университет
E-mail: zmineeva@rambler.ru

Z.I. MINEEVA

Candidate of Philology, Associate professor, Department of Russian Language, Petrozavodsk State University
E-mail: zmineeva@rambler.ru

ФУНКЦИИ РУССКИХ ЗООТРОПОВ*

FUNCTIONS OF RUSSIAN ZOOTROPES

В статье освещаются функции зоотропов – вторичных номинаций человека, образованных на основе переносных значений названий животных, птиц, насекомых, пресмыкающихся. Метафора и метонимия полифункциональны и используются в конституирующей, идентифицирующей, аксиологической, номинативной, оценочно-характеризующей и игровой функциях, как способ вербализации инвективы.

Ключевые слова: зоотроп, номинация, функция, метафора, метонимия, инвектива.

The article elaborates on the functions of zootropes, i.e. secondary nominations for people based on figurative meanings of names for animals, birds, insects and reptiles. The metaphor and the metonymy are polyfunctional, and they are used for serving determination, identification, axiological, nomination, assessment, description, and game functions as a means for verbalizing invectives.

Keywords: zootrope, nomination, function, metaphor, metonymy, invective.

Русские зоотропы (акула, динозавр, трясогузка), будучи вторичными номинациями, позволяют экономно, с помощью имеющихся языковых единиц, назвать и охарактеризовать человека в широком диапазоне перцептивно и ментально воспринимаемых качеств [Минеева 2010].

Зоотропы составляют важную часть лексического состава любого естественного языка, в том числе русского, вследствие чего первой функцией исследуемых единиц следует назвать конституирующую: переносные антропоцентрические названия животных, птиц, насекомых, пресмыкающихся участвуют в формировании особой картины мира русского человека [Апресян 2006: 34-36], отражающей восприятие окружающей действительности из круга своего языка (В. Гумбольдт).

Следствием названной функции выступает аксиологическая, поскольку зоотропы упорядочиваются иерархически в соответствии с принятыми в данном языковом сообществе ценностями; наиболее значимые качества, свойства, характеристики эксплицированы в большом количестве разнообразных единиц.

Зоотропы также выполняют важную идентифицирующую функцию, а именно функцию этносоциокультурной идентификации. Носители русского языка безошибочно считывают переданную с помощью данных единиц информацию, декодируют сообщение говорящего и понимают интенции человека, использовавшего тот или иной зоотроп, в том числе новый, впервые употребляемый. Данная функция обеспечивается глубинными связями вторичных номинаций с фольклорными текстами, паремиями, фразеологизмами, со-

держащими фоновые знания.

Как и другие метафоры, зоотропы используются в науке при создании терминологии: с их помощью удовлетворяется потребность в новых терминах для новых понятий (катахреза), а также при продуцировании новых аналогий, сопровождающих формулирование новых гипотез, концепций, теорий [Демьянков 2010: 16], то есть выполняют номинативную функцию; она реализуется в научных и научно-популярных текстах, представляющих собой описание определенного фрагмента действительности, а также в констативах, речевых актах, прагматика которых состоит в сообщении информации, констатации факта. Принадлежность данных единиц к сфере науки нашло отражение при их фиксации в современных толковых словарях: жаворонок – ‘психол. организация психики человека, период активности которого приходится на утренние часы; человек такого типа (противоп. сова)’ [БТС: 298]; аналогичное определение в рамках психологической характеристики дается для антонима сова [БТС: 1226] (первая фиксация относится к 1971 году [НСЗ]).

Зоотропы в номинативной функции являются безоценочными единицами и замещают в конструкциях современных научных текстов позиции субъекта, предиката, актанта. К номинативным метафорам относятся следующие: животное; жаворонок и сова; морж и моржиха; голубь, ястреб и скворец и др. Первое, как правило, выступает в сочетании с постпозитивным или препозитивным определением: животное разумное, логическое животное, рефлексирующее животное: «Один из классиков назвал человека «логическим жи-

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ 2012-2016 гг.

вотным», с не меньшим, а может быть, и с большим основанием его можно назвать «рефлексирующим животным» [Малинецкий 2008: 51].

Зооморфные образы актуализируются в новых отраслях науки, в частности при описании результатов моделирования искусственной жизни; недавно возникшее направление синергетики позволило обнаружить так называемый «парадокс альтруизма»: социальная общность перестает существовать без альтруизма, что подтверждается поведением агентов моделируемой жизни. В статье, опубликованной в журнале «Вопросы искусственного интеллекта», *ястребы, голуби, вороны, скворцы* имеют характер специальной терминологии: «*При этом наряду с очевидными стратегиями «ястреба» (хищника – нападать на всех, на кого может) и «голубя» (жертвы – прятаться от всех) выявились новые стратегии. Это «вороны» (коллективное нападение, при лояльности к себе подобным – «ворон ворону глаз не выклюет») и «скворцы» (коллективная оборона)*» [Малинецкий 2008: 50].

Номинативную функцию выполняют зоотропы, обозначенные на основе метонимии: *лошадь, крыса, кот, змея, петух* и т.п. (первая фиксация относится к 1998 году [ТСИ]). *Лошадь* как метонимическая номинация обозначает всех людей, родившегося в 1954, 1966... 2002, 2014 годах, в то время как *лошадь* в качестве метафорической характеристики используется в отношении людей, которые обладают качествами, свойственными данному животному (силой, работоспособностью); последние являются разговорно-сниженными (*Я не л. работать за всех*) или бранными (*Л. неповоротливая*) [БТС: 506].

Являясь по большей части единицами экспрессивной деривации, зоотропы востребованы при решении прагматических задач разного рода и используются для экспликации положительной или отрицательной оценки homo sapiens с помощью мелиоративных или пейоративных компонентов значения.

Оценочно-характеризующая функция зоотропов реализуется в экспрессивных речевых актах, или экспрессивах. В прагматическом плане данные единицы отличаются тем, что использование их сопряжено с эмоциональным выражением личного отношения к себе или другому лицу.

Орел, зубр, кит и некоторые другие используются с целью положительной характеристики лица и содержат мелиоративный компонент значения. В настоящее время актуальны и востребованы единицы, эксплицирующие высокую оценку профессиональной деятельности человека; так, с помощью синонимичных зоотропов *зубр* и *мастодонт* главный редактор газеты «Культура» Е.А. Ямпольская в интервью с А. Дементьевым, ведущим радиопередачи «Вирази времени», подчеркивает значимость и профессионализм своих предшественников журналистов: *Когда я начинала, были зубры, были мастодонты, а сейчас в журналистике мастодонтов совсем не осталось* [Радио России. 19.10.13].

Синонимические градуальные отношения обнаруживаются у других лексем – *кит* и *акула*, также содер-

жащих сему ‘профессионал’:

Широко известный в узких кругах режиссер фильма «Москва» был призван под театральные знамена китом (некоторые завистливо говорят, что акулой) театрального менеджмента Эдуардом Бояковым [НКРЯ: «Известия», 2003.02.09].

Как правило, с помощью зоотропов выражается негативное отношение к объекту референции, и интенция адресанта состоит в вербализации асимметрии статуса: говорящий подчеркивает, что он выше, лучше, чем адресат сообщения, *баран, осел, курица*. Посредством использования зоотропов осуществляется стратегия дискриминации и дискредитации лица-референта.

Интенция выражения дискриминации предполагает использование стилистически сниженных языковых средств; большая часть зоотропов имеет последовательно фиксируемую словарями сниженную стилистическую маркированность: часть лексем относится к разговорным, часть – к дисфемизмам, грубым, вульгарным, бранным.

Используя наименование животного для обозначения человека, говорящий таким образом выражает свою экспрессию, вербализует свое отношение к обозначаемому, а референт выступает как носитель негативных, нежелательных, не одобряемых обществом свойств. Примером такого рода может служить недавно появившееся антропоцентрическое значение у слова *олень*. Статья АиФ, призывающая читателей проявлять бдительность, так и называется: «Не будьте «оленьями»! Речь идет о доверчивых россиянах (*оленьях*), которые по доброте души соглашаются оформить на себя кредит на покупку автомобиля для знакомого, друга (*оленьеводы*), возможно, за небольшое вознаграждение. В случае исчезновения владельца новой машины выполнять обязательства перед банком приходится тому, на кого официально оформлены документы. «Недальновидных и чересчур доверчивых людей даже прозвали «оленьями». Их обвели вокруг пальца, они остались с огромным долгом перед банком, а «оленьеводы» укатили на новом автомобиле! /.../ Помните – человек, на которого оформлен кредит, полностью несет за него ответственность. Словом, не становитесь «оленьем» [АиФ, 2007, № 17, 10].

Данный лексико-семантический вариант не фиксируется словарями, однако материал Национального корпуса русского языка (общий корпус содержит 1 038 документов, 4 678 вхождений с рассматриваемой лексемой), позволяет установить узальный, а не окказиональный характер зоотропа: в последних по дате создания 100 документах, относящихся к 2011–2004 гг., содержатся номинации человека, в том числе автономии, с пейоративной коннотацией:

Положительный итог разговора в том, что я понял какой я олень и да, я заслуживаю того, что имею, и ничего больше не заслуживаю [НКРЯ: переписка в icq (2008.01.16)].

Подобных словоупотреблений относительно немного, однако факт вхождения зоотропа в узус не подлежит сомнению.

Негативно-оценочная характеристика зоотропов используется в современной рекламе при продвижении социально значимых реалий современной жизни, в частности, в общественной рекламе договоров, регулирующих трудовые отношения: «*Не будь дятлом, заключи трудовой договор!*» (ТВ Россия. 11. 2013).

Следующая функция – *инвективная*. То, что в языковой картине мира обозначения животных связаны с подчиненной, второстепенной позицией по отношению к человеку, каузирует использование названия животного преимущественно в качестве негативной характеристики человека с целью продемонстрировать его ущербность, наличие порицаемых качеств, низкий статус. Обширный перечень зоотропов используется в функции инвективы.

Инвектива – вербальное нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными средствами [Жельвис 2000: 198]. Термином «инвектива» в лингвистике называют все виды речевой агрессии. А. Новиков зоометафоры *кукушонок* и *хищник* относил к числу «инвектив в узком смысле». Специалисты в области юрислингвистики группу метафор фауны включают в состав лексики, способной использоваться при нанесении вербального оскорбления: «Во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-то отрицательная характеристика... Во-вторых, эта отрицательная характеристика вербализуется (выражается) в неприличной форме. К неприличным относятся обценные (нецензурные) слова и устойчивые обороты (идиомы), некоторые метафоры фауны (например, *свинья, козел*)» [Баранов 2011: 540]. Наряду с теми единицами, которые снабжены в словарях специальными маркерами «грубое» или «бранное» (*лох*), в функции инвективы используются и разговорные (*амеба*), а также единицы, не имеющие фиксации в лексикографии в качестве номинаций человека (*олень*), о чем свидетельствует анализ материала корпуса:

Какая это там амеба из простейших так высказалась? – спросил Кириков. [НКРЯ: Л.А. Кассиль. Кондуит и Швамбрания (1928-31)].

Однако наибольшей иллокутивной силой нанесения оскорбления обладают грубые, просторечные и жаргонные выражения, использование которых недопустимо в официальной обстановке, где люди связаны формальными отношениями; следствием употребления учителем зоотропа *лох* в адрес ученика предсказуемы:

Страшным оскорблением у школьников (и у преподавателей) является лексема лох – «дурак; неполноценная личность» (в арго – «жертва преступления; дурак»). Газета «Комсомольская правда» от 19 мая 2006 года (статья Д. Трунова «Учительница обозвала ученика и... пошла под суд») лишний раз подтвердила, насколько обидным может быть слово тюремного происхождения «лох» [НКРЯ: Михаил Грачев. Интервенция криминального языка // «Наука и жизнь», 2009].

Лексема *лох* адресатом воспринимается как обидное слово, а говорящим используется при наличии интенции нанести оскорбление.

Сегмент инвективной лексики зоотропов увели-

чивается за счет новых единиц. Так, употребленный в произведении 1936 г. зоотроп *сколопендра* входит в состав ряда однородных членов, поддерживающих экспликацию пейоративного компонента семантики:

Оборачиваюсь. Во главе с Ченикалом шествует штук двадцать самоохранников. Песня замолкает. «Вот сколопендры, гады, гадючье семя»... [НКРЯ: И.Л. Солоневич. Россия в концлагере]

НКРЯ содержит и более поздние примеры данной и других лексем в функции инвективы. В следующем фрагменте на фоне полисемической аттракции, использования выражения «поезд ушел» в прямом значении и переносном, фразеологическом (о возрасте) мужчина называет свою собеседницу *воблой*, что воспринимается женщиной как оскорбление, на которое следует симметричный ответ.

Мой поезд не уйдет без меня – никогда! В отличие от твоего! Который давно ушел! Вобла! – Блудливый козел! Забери свои деньги! [НКРЯ: Алексей Слаповский. День денег (1998)].

В функции инвективы используются единицы, относительно недавно пополнившие корпус зоотропов:

Сукин поднес затем к якуту свой знаменитый кулак: – Понюхай, олень северный! Еще раз приложишься – рога пообломаю, копытообразная скотина. [НКРЯ: Илья Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» (2008)].

С течением времени наблюдается смена одних зоотропов в функции инвективы другими: если для героев Ф.М. Достоевского оскорбительными были *тварь, вошь*, то для героев современных текстов – *козел, кобель* и т.п. Употребление зоотропов с пейоративной коннотацией при вербализации говорящим агрессии и интенции оскорбления выступает предметом судебного разбирательства, в ходе которого рассматриваются не только вышеназванные *свинья* и *козел*, но и *курица, гад, гаденыш, сучонок* и т.п.

Зоотропы включаются в игровую сферу. Лингвокреативность, позволяющая человеку проявлять свойство творческого отношения к языку [Санников 2002], широко привлекает названия животных и номинации человека, обыгрывая фонетическое сходство, полисемию лексем и т.п. Данные явления сопровождают непринужденное неофициальное общение и чаще встречаются в эпистолярных текстах, публицистике. Знаменитый Ю.М. Лотман любил в письмах к друзьям играть со словом; нередко используемые им компаративные конструкции содержали упоминание льва (*бился, как лев*), собаки (*была даже собака в квадрате при описании крайней усталости*); предикатное употребление довольно редко, одно из них – *бобр*: «*Вообще я стал злой, как собака, хотя от природы бобр*» [Лотман 2006: 313]. В данном случае наблюдается аллюзия к известному университетскому анекдоту о том, как студент, отвечая на экзамене по чужой шпаргалке, вместо «*человек от природы добр*» неверно прочитал «*человек от природы бобр*», несущая стала предметом шуток.

Сближаются в речи сходные по звучанию собственные и нарицательные имена: Гиппократ и гиппопотам, Билан и баклан:

Как говорит Гиппократ, если общаешься с идиомами – будь проще. – Неясно, кого уважаемый автор имеет в виду, поскольку «гиппопотам» этого не говорил [НКРЯ: И. Грошек. Реставрация обеда (2000)]; «Иди в дом, кура озимая, там твой Дима Баклан поет!» [НКРЯ: Евгения Пицикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская жизнь», 2008].

Фонетическое сходство может обнаруживаться у заимствованного и русского слова, при этом референту приписывается негативная характеристика на основе семантики зоотропа:

Ты пойми, люди, которые будут сидеть перед тобой, – подонки и маразматики... когда прилетишь в Лондон и вылезешь в аэропорту Хитроу, сразу смотри, где стоит их лягавый или, по ихнему, бобби. Эти бобики ходят в таких идиотских черных шапках вроде перевернутых чугушков со звездой. Как такого увидишь, сразу – к нему, и на своем чистом английском языке скажи: «Господин бобик, их бин пур совет фрау, их бин лунинг фор политикал эсайлем». Давясь от смеха, я спрашиваю, кто его научил столь великолепной фразе. [НКРЯ: Владимир Войнович. Замысел (1999)].

Для достижения игрового эффекта может использоваться наличие у зоотропа полисемии: узуальное употребление лексемы *крыса* связано с экспликацией общей негативной оценки говорящего, а также нейтральной безоценочной семантики, связанной с номинацией человека по году его рождения: *Этот год – год Крысы, между прочим. – Пожелание такое: люди, не будьте крысой в этом году! Не крысятничайте, в общем, и делитесь с ближним!* [Собеседник. 2007. №47, 21]. В данном случае наблюдается совмещение метафорического и метонимического значений. Значение диффузно, но апелляция к жаргону с помощью глагола *крысятничать* позволяет усмотреть в зоотропе *крыса* не только значение ‘человек, вызывающий неприязнь’ (в просторечии) [БАС-3, т. 5: 719] или ‘крайне негативно о человеке, чаще о женщине – злой, малосимпатичной, неприятной, агрессивной’ – разг.-сниж. презр. (бран.) [БСХ: 281], но и социально маркированное: ‘тот, кто ворует у своих’ [Крысин 2003: 96].

Игровой феномен проявляется при использовании не одного, а сразу нескольких зоотропов (*бегемот, собака, мышонок*) в функции оценочной характеристики: – *Какое живое существо изменяет свой вес в течение дня от 300 кг до 100 грамм? Ответ: муж. С утра его*

жена будит: – Вставай, бегемот! Днем, швыряя на стол тарелку с супом: – Жри, собака! Вечером, ложась в постель: – Иди ко мне, мышонок! [НКРЯ: Коллекция анекдотов: семья (1970-2000)].

Кроме того, рассматриваемые единицы незаменимы при создании образов в художественных произведениях; особую значимость приобретают те из них, которые выносятся в название текста («Зубр» Д. Гранина, «Рыба» П. Алешковского).

Зоотропы полифункциональны, они выполняют важные конституирующую и аксиологическую функции при формировании, создании русской картины мира и обеспечения (поддержания) ее стабильности, отражения иерархии ценностей русского народа. Зоотропы активно участвуют в формировании научного аппарата, в создании новых дефиниций наук, выполняют номинативную функцию в констативах. Вместе с тем, зоотропы являются единицами экспрессивной деривации и выступают в оценочно-характеризующей функции в экспрессивах, в том числе как способ вербализации инвективы. Среди разрядов инвективной лексики, которая может рассматриваться как оскорбляющая честь и достоинство человека, выделяется группа зоосемантических метафор, или метафор фауны. Номинации человека на основе метафоры и метонимии входят в сферу проявления лингвокреативности, используются в языковой игре, а также являются ярким стиле- и сюжетообразующим средством, необходимым при создании образов героев в художественных текстах. В настоящее время оценочно-характеризующие единицы широко используются в разных сферах: на политической сцене фигурируют агрессивные *ястребы*, в финансовой элите привлекают к себе внимание *жирные коты*, утечку секретной информации обеспечивают *кроты*, а в повседневной жизни кондукторы отлавливают безбилетных пассажиров – *зайцев*. Рассказывая о трудностях, с которыми сталкиваются малые предприниматели, журналисты задаются вопросом: «*Какие бобры понастроили столько преград?*»

С помощью полифункциональных зоотропов создаются вторичные номинации, заполняя образующиеся лакуны терминологии, характеристики, оценки, языковой игры, что позволяет использовать их как в экспрессивных речевых актах, при выражении аффекта, так и в безэмоциональном дискурсе.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. Отв.ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С.33–160.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2011. 592 с.
3. Большой академический словарь русского языка. Под ред. К.С. Горбачевича. Т. 1-20. М.;СПб., 2004–2013. (Сокращенно – БАС-3)
4. Демьянков В.З. Интерпретативное объяснение метафор в языке науки // Язык и культура. К юбилею профессора Э.Ф. Володарской. Под ред. Ю.Л. Воротникова. М.: Изд-во института иностранных языков, 2010. С. 15–17.
5. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С 194–206.
6. Крысин Л.П. Социальная маркированность лексических значений // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 95–100.
7. Лотман Ю.М. Письма.: 1940–1993. М.: Языки славянской культуры, 2006. 800 с.

8. Малинецкий Г.Г. Самоорганизация, психология, искусственный интеллект // Вопросы искусственного интеллекта. М., 2008, №1. С. 42–60.
9. Минеева З.И. От собаки до стервы: русские зоотропы // Личность в межкультурном пространстве: Материалы V международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию РУДН. Ч. II. М.: РУДН, 2010. С. 60–66.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] (<http://ruscorpora.ru>).
11. Новейший большой толковый словарь русского языка. Гл.ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», М.: «РИПОЛ классик», 2008. 1536 с. (БТС)
12. Новые слова и значения / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. М., 1971. 543 с.
13. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
14. Толковый словарь русского языка. Языковые изменения конца XX века. Под ред. Г.Н. Складчиков. М., 2001. (ТСИ)
15. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: НОРИНТ, 2004. 762 с. (БСХ)

References

1. Apresyan Y.D. Basis of the Systems Lexicography // Language Picture of the World and Systems Lexicography/ Ed. Y.D. Apresyan. M., 2006. Pp. 33–160.
 2. Baranov A. N. Linguistic Expertise of the Text. M., 2011. 592 p.
 3. Big Russian Academic Dictionary. Ed. K.S. Gorbachevich. V. 1–20. M.;SPb., 2004–2013.
 4. Demyankov V.Z. Interpretive Metaphors in the Language of Science // Language and Culture. To the Anniversary of Professor E.F. Volodarskaya. Ed. Y.L. Vorotnikov. M., 2010. Pp. 15–17.
 5. Zhelvis V.I. The Word and Action: Juridical Aspect of the Foul Language // Juridical Language -2. Russian in it Natural and Juridical Existence. Barnaul, 2000. Pp. 194–206.
 6. Krysin L.P. Social Mark of the Lexical Meanings // Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation. M., 2003. Pp. 95–100.
 7. Lotman Y.M. The Letters: 1940–1993. M.: Languages of Slavic Culture, 2006. 800 p.
 8. Malinetskiy G.G. The Autoorganisation, Psychology, Artificial Intelligence // AI Problems. M., 2008, №1. Pp. 42–60.
 9. Mineeva Z.I. From the Dog to the Damned wretch: Russian Zootropes // Personality in Intercultural Space: Papers of the V International Scientific Conference, devoted to the 50-years of the PFUR. Ch. II. M., 2010. Pp. 60–66.
 10. National Russian Corpus (<http://ruscorpora.ru>).
 11. New Big Russian Dictionary. Ed. S.A. Kuznetsov. SPb.: «Norint», M.: «RIPOL klassik», 2008. 1536 p.
 12. New Words and Meanings / Ed. N.Z. Kotelovoy, Yu.S. Sorokina. M., 1971. 543 p.
 13. Sannikov V.Z. Russian in the Context of the Language Game. M., 2002. 552 p.
 14. Russian Dictionary. Language Changes at the end of XX century. Ed. G.N. Sklyarevskaya. M., 2001. 944 p.
 15. Himik V.V. Big Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech. SPb.: NORINT, 2004. 762 p.
-
-